

Если судить по телевизору, для России нет важнее новостей, чем ситуация на Украине и интриги НАТО. Однако самые важные новости происходят в РФ, где набирают оборотов протесты людей, вызванные экономическими неурядицами: уже стихийно бастуют шахтеры, металлурги, бюджетники. К трудовым протестам неумолимо подключаются социальные — недовольство растет.

Пока экономика РФ вставала с колен и демонстрировала некоторый рост, считалось хорошим тоном писать о забастовках только накануне 1 мая — отдавая дань памяти профсоюзной традиции и тому страху, который внушали недовольные шахтеры еще в 1990-е, пишет «Коммерсантъ-Огонек».

При этом журналисты, обыватели, и сами рабочие всерьез не верили, что похожие картины могут повториться. Не потому ли реальность последних месяцев оказалась для многих очень болезненной?

Проблемы с зарплатой, как пишут местные СМИ, начались у горняков на Кузбассе, в Иркутской области — у металлургов, в Бурятии бастуют работники ЖКХ, не получавшие денег с мая... Согласно статистике Центра социально-трудовых прав, сегодня на каждый рабочий день в России приходится 1,1 трудового протеста. Если внимательно читать региональную прессу, становится ясно, что реально занимает страну и чего стоит замедление экономического роста, выраженное в человеческих судьбах. Угрюмые забастовки из-за невыплаты зарплат, вытесняемые с федеральных телеканалов обсуждением международной обстановки,— это та действительность, с которой россияне уже столкнулись и с которой им придется иметь дело в будущем.

— А ведь в 2010-2013 годах трудовые протесты в России пусть и постепенно, но становились не «дикими», а институциональными,— говорит Петр Бизюков, главный специалист социально-экономических программ Центра социально-трудовых прав.— Мы почти отошли от требований «верните нам зарплату» или «верните нам работу». В прошлом году рабочие чаще всего бастовали из-за «политики руководства компании», то есть они заранее узнавали, что начальство вводит непопулярные меры, и влияли на процесс остановкой работы, митингами или другими способами. Они из пассивных объектов превращались в участников переговорного процесса, хотя этот диалог и велся «на повышенных тонах». И вот сегодня мы вынуждены констатировать: опять вернулись в прошлое.

Пессимизм исследователей подкреплён цифрами. Если в 2013-м 42% акций были вызваны «политикой руководства компаний», то в первые 6 месяцев этого года — невыплатой зарплаты. 50% протестов в этом полугодии, согласно мониторингу Центра социально-трудовых прав, никак не координировались профсоюзами, по сути, это были стихийные протесты. В прошлом году таких нецивилизованных «стачек» насчитывалось не более 35%.

На удивительно быстрое соскальзывание в бездну неконтролируемого социального недовольства уже отреагировал Минтруд, который разработал законопроект, увеличивающий разовые штрафы юрлицам за задержку зарплаты до 100 тысяч рублей (сейчас — 30 тыс.) и продлевающий срок обращения в суд по трудовому спору вплоть до одного года (сейчас — 3 месяца). Эксперты, впрочем, не уверены, что меры помогут. Если для решения бед одного Пикалева в свое время понадобилось личное вмешательство президента, то для спасения рабочих по всей стране, похоже, просто не найдется инструмента. Единственно, что сегодня можно просчитывать,— это насколько серьезным будет удар.

— В том, что касается трудовых протестов, мы взяли курс на 1990-е — это очевидно,— считает Карин Клеман, директор Института «Коллективное действие», научный сотрудник факультета свободных искусств и наук СПбГУ.— Здесь заодно действуют два фактора. С одной стороны, в последние годы на предприятиях систематически уничтожались и выжимались в неправовое поле новые, независимые профсоюзы, созданные еще в 2000-х на волне забастовок Ford.

А значит, конфликтные ситуации, которые неизбежны при нынешнем состоянии экономики, будут разрешаться стихийно. С другой стороны, рабочие сегодня совсем не те, что были в 1990-е. Нынешние, как показывает наш опыт, когда им говорят «потерпите

чуть-чуть без зарплаты, такая ситуация в стране», отнюдь не намерены ждать. Порог терпимости стал крайне низким: люди только приценились к нормальной жизни, взяли кредиты — и даже небольшое понижение жизненного уровня воспринимается ими крайне болезненно.

Понятно, что в такой ситуации на любой конфликт власти нужно реагировать в ускоренном режиме, не давая ему, по крайней мере, обрести федеральный масштаб. Часть ответственности за решение этой задачи еще в начале года переложили на губернаторов: Роструд составил оригинальный рейтинг задолженности по зарплате в отдельных субъектах РФ, который фиксирует как объем долга, так и динамику его погашения. Руководитель ведомства Всеволод Вуколов отдельно пояснил, что у рейтинга нет цели показать, «что какой-то губернатор плохой или хороший». Однако успеваемость уже оценивается, а в региональных правительствах заработали специальные «комиссии по долгам». Выяснилось, например, что плохая ситуация с выплатами в Ингушетии, Приморском крае, Адыгее, Республике Алтай. Отличниками оказались Омская, Волгоградская, Ленинградская области. Москва только на 72-м месте из 82.

Впрочем, даже этот рейтинг не дает полного представления о положении дел в том или ином регионе. Официальная статистика, как правило, базируется на официальных данных, а многие работодатели умудряются скрывать факт задолженностей, по крайней мере, до визита следственного комитета. Поэтому, когда Росстат говорит о 2,3 млрд рублей суммарного долга перед работниками, сам Минтруд советует ему не верить: реальный долг выше в несколько раз, в 2013-м, например, только объем возвращенных зарплат равнялся 9 млрд рублей.

— Драматизм ситуации в том, что власти на самом деле парадоксально мало внимания уделяют информации о протестах,— считает Петр Бизюков.— У нас нет открытых официальных данных о реальном уровне конфликтности. Росстат фиксирует только акции, проведенные по закону, а таких в год — считанные единицы. Не удивительно, что все крупные забастовки у нас случаются «внезапно» и ошеломляют общественность. По данным, которые мы стараемся учитывать в нашей статистике, в России часто возникают очаги напряжения, которые могут взорваться так же, как это было в Пикалево. Если говорить об отраслях, то в зоне риска — транспорт, металлургия, машиностроение, накаляется обстановка в бюджетной сфере, впрочем, список можно продолжать.

Забастовки транспортников, количество которых резко увеличилось в этом году — с 21% от общей массы протестов до 32%,— говорят о характерном явлении: о все большем

вовлечении бюджетников в трудовые конфликты.

— А когда отказываются работать бюджетники, например водители автобусов или представители сферы ЖКХ, возникает недовольство, в свою очередь, коммунальным хозяйством и городскими службами, то есть локальный трудовой конфликт становится масштабным, социальным,— поясняет Татьяна Малева, директор Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС.— Это действительно опасно. То, что долги перед бюджетниками появятся, можно было предсказать еще в тот момент, когда были озвучены президентские указы. Далеко не все региональные бюджеты в состоянии справляться с возложенной нагрузкой, кто-то пытается соответствовать показателям с помощью бухгалтерских маневров.

Ведь у нашей бухгалтерии есть замечательный дуализм, почти не встречающийся в мировой практике: отдельно прописываются статьи «зачисленных» средств, а отдельно — «выплаченных». Можно написать, что все деньги зачислены, и, не нарушая Трудового кодекса, тянуть время с их выплатой. Это удобный механизм, поэтому карта регионов-должников по зарплате в целом совпадает с картой дотационных регионов, имеющих дыры в бюджетах.

Серьезные проблемы, в том числе сокращения и невыплаты зарплаты, постигли сферу услуг и розничной торговли, в которой сегодня, по статистике, трудится больше всего россиян. Работники этого сектора экономики, кроме того, еще и самые уязвимые с точки зрения защиты своих прав — ни одного сильного профсоюза или ассоциации здесь нет. Малые предприятия — те же торговые точки — не обязаны вовсе посылать в Росстат данные о долгах по зарплате, поэтому о них неизвестно никому и ничего. Ясно одно: здесь каждый выживает в одиночку, по принципу: «Не нравится — уходи».

— Когда экономика на подъеме, делать прогнозы по рынку труда легко и приятно,— считает Владимир Гимпельсон, директор Центра трудовых исследований НИУ ВШЭ.— Но попробуйте спрогнозировать что-то сейчас: единственное, что мы понимаем,— скоро начнется более или менее заметный обвал в отдельных секторах экономики. Мало кто предугадывал, например, что в турбизнесе столько работников окажутся не у дел. Или, скажем, есть сейчас какой-нибудь успешный металлургический завод, производящий детали на миллионы рублей, а завтра окажется, что из-за санкций эти детали никому не нужны, а завод — банкрот. То же самое касается химической отрасли: там очень большая доля экспорта, причем европейского. Многие эффективные предприятия жили на кредиты, теперь длинных денег не стало — что с ними будет? Кругом вопросы. Как все будет заживать, никто не знает. Но потенциальных язв много.

moskprf.ru